

*Посвящаю отцу,
он всегда наполнял наш дом музыкой.*

ОДИН

Квинт Эриксон опаздывает.

Опять.

Чему тут удивляться? Я и не удивлена. Я бы скорее удивилась, если бы он хоть раз пришел вовремя. Но, черт возьми, сегодня? *Именно сегодня?*

Я закипаю, нервно барабанаю по доске для презентаций, лежащей на столе. Я внимательно слежу за стрелками часов над дверью класса и еле слышно повторяю текст, который целую неделю учила наизусть.

Наши пляжи и прибрежные воды — дом для множества удивительных живых существ. Рыбы, млекопитающие, морские черепахи и...

— Акулы, — говорит Майя Ливингстон, стоя у доски — на протяжении десятилетий подвергались жестокому обращению со стороны Голливуда. Они не такие чудовища, какими их изображают люди!

— К тому же, — добавляет Эзра Кент, ее напарник по лабораторным работам, — еще неизвестно, кто кого ест. Я имею в виду, знаете ли вы, ребята, что люди на самом деле едят акул?

Майя бросает на него хмурый взгляд.

— В основном, плавники. Чтобы быть точным.

— Верно! Из них готовят суп, — продолжает Эзра. — Суп из акулиных плавников — это, типа, суперделикатес, потому что их можно долго жевать, и они при этом хрустят. Представляете?! Вы как хотите, а я обязательно попробую.

Некоторые из наших одноклассников притворяются, что их тошнит от отвращения, хотя очевидно, что Эзра пытается добиться именно такой реакции. Большинство зовет его EZ¹. Раньше я думала, что это намек на многочисленные амурные приключения Эзры, но теперь склоняюсь к мысли, что виной всему его репутация балагура. Учителя в нашей школе давно усвоили, что лучше рассаживать их с Квинтом подальше друг от друга.

— Как бы то ни было, — перебивает Майя, пытаюсь вернуть разговор в нужное русло. И продолжает рассказывать о зверствах охотников на акул, когда рыбам отрезают плавники и выпускают обратно в воду. Без плавников акулы опускаются на дно океана и либо задыхаются, либо их заживо съедают другие хищники.

Все в классе кривятся и морщатся.

— А потом они превращают их в суп! — добавляет Эзра, на случай, если кто-то прослушал эту часть рассказа.

Проходит еще минута. Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, пытаюсь успокоить натянутые нервы. В восьмимиллионный раз за этот год в голове крутится безнадежное: «Нет. Никого. Хуже. Квинта. Эриксона».

Я даже напомнила ему вчера: «Не забудь, Квинт, завтра важная презентация. Ты приносишь доклад. Ты помогаешь мне со вступительным словом. Так что, пожалуйста, ради всего святого, хотя бы в этот единственный раз, не опаздывай».

И что в ответ?

Он просто пожал плечами.

Я занятой парень, Пруденс. Но сделаю все, что в моих силах.

Действительно. Видимо, он очень занят во вторник с самого утра и до половины девятого.

Я знаю, что справлюсь со вступлением сама. В конце концов, репетировала я одна, без Квинта. Но он должен принести бумаги. Чтобы класс мог уткнуться в них, пока

¹ EZ — популярное английское сокращение от слова easy (легко, просто, удобно). Здесь и дальше прим. пер.

мы рассказываем. Это поможет отвлечь их скучающие, равнодушные взгляды *от меня*.

Класс вяло аплодирует, и я снова пытаюсь сосредоточиться. Хлопнув пару раз, я роняю руки на стол. Майя и Эзра собирают свои презентационные материалы. Я смотрю на Джуда, сидящего в первом ряду, и, хотя вижу лишь его затылок, знаю, что он не сводит глаз с Майи с тех пор, как она вышла к доске, и не отведет взгляда, пока она не вернется на место. У него нет другого выбора, кроме как отвернуться либо привлечь всеобщее внимание этим пристальным взглядом. Я очень люблю своего брата, но его влюбленность в Майю Ливингстон тянется с пятого класса и — если честно, — уже начинает казаться слегка безнадежной.

Я ему сочувствую. Он действительно сохнет по ней. Ничего удивительного — она же *Майя Ливингстон*. Почти весь десятый класс влюблен в нее. Но я хорошо знаю своего брата. Ему никогда не хватит смелости пригласить ее на свидание.

Потому и безнадежно все это.

Бедняга.

Но не он один — *мое* положение не лучше. Майя и Эзра возвращаются на свои места, а Квинта все нет. Нет и бумаг, которые он должен принести с собой.

В порыве отчаяния я выуживаю из сумки красную помаду и быстро наношу свежий слой, на случай если она уже потускнела с тех пор, как я подкрашивалась перед уроком. Вообще-то я не злоупотребляю косметикой, но яркая помада подобна мгновенному допингу для самооценки. Это моя броня. Мое оружие.

Ты справишься, говорю я себе. *Тебе не нужен Квинт*.

Сердце колотится в груди. Дыхание сбивается. Я сую тюбик помады обратно в сумку и беру карточки. Не думаю, что они мне понадобятся. Я так много тренировалась, что теперь даже во сне рассказываю об ареалах обитания и защите окружающей среды. Но с карточками в руке мне будет спокойнее.

По крайней мере, я так думаю. Надеюсь.

До тех пор, пока меня не охватывает внезапный ужас. Мне становится страшно, что чернила растекутся в потных ладонях, и карточки станут нечитаемыми. Нервы снова взвинчиваются до предела.

— Итак, мы подошли к последней презентации в этом учебном году, — говорит мистер Чавес, бросая на меня едва ли не сочувственный взгляд.

— Извини, Пруденс. Мы тянули, сколько могли. Может быть, Квинт присоединится к нам до того, как ты закончишь.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Все в порядке. В любом случае я планировала взять на себя большую часть доклада.

Нет, не все в порядке. Но отступить некуда.

Я медленно встаю из-за стола, сую карточки в карман, беру презентационную доску и большую сумку, набитую дополнительными материалами. Руки подрагивают. Я выдерживаю паузу и полностью выдыхаю. Зажмуриваюсь и мысленно повторяю свою мантру, которую непременно вспоминаю, когда собираюсь выступить перед аудиторией.

Это всего лишь десять минут твоей жизни, Пруденс, а потом все закончится, и ты пойдешь дальше. Всего десять минут. Ты справишься.

Открыв глаза, я расправляю плечи и иду к доске.

Дело не в том, что я не умею выступить на публике. На самом деле, у меня это неплохо получается, главное — начать. Я хорошо владею голосом и знаю, как сделать так, чтобы все могли меня слышать. Я всегда много репетирую, до тошноты, чтобы не спотыкаться на словах, и стараюсь выглядеть живой и заинтересованной.

Но минуты перед началом ужасны. Я почему-то всегда убеждена в том, что непременно что-то пойдет не так. Со мной случится помрачение рассудка, я забуду все слова и начну потеть. Потом стану красной как рак. И грохнусь в обморок.

Но обычно после первых же фраз все идет само собой. Мне просто нужно начать... а потом, не успею я опомниться, как все закончится. И я услышу то, что слышу всегда:

— *О, Пруденс. Ты держишься так естественно и раскованно. Ты замечательный докладчик. Отличная работа.*

Эти слова как бальзам на мою обезумевшую от страха душу.

По крайней мере, так говорят учителя. Одноклассники редко утруждают себя слушанием докладов.

И меня это вполне устраивает.

Мне требуется несколько секунд, чтобы настроиться, закрепить доску на подставке и приготовить неподалеку сумку с сюрпризами. Я придвигаю к себе столик на колесиках с макетом, который принесла до начала урока. Он все еще задрапирован голубой тканью.

Сжимая карточки в одной руке, другой я беру указку, которой мистер Чавес обычно показывает детали на слайдах PowerPoint.

Улыбаюсь одноклассникам.

Пытаюсь поймать взгляд Джуда, но он что-то рисует в блокноте и не реагирует на сигналы извне.

Отлично, братишка. Спасибо за поддержку.

Остальная часть класса таращится на меня, изнывая от скуки.

Желудок скручивает в узел.

Просто начни.

Всего десять минут.

Ты справишься.

Я делаю глубокий вдох.

— Я собиралась показать вам дополнительные материалы, ребята. — Мой голос срывается, и я делаю паузу, чтобы откашляться, прежде чем продолжить. — Чтобы вы могли просматривать их во время доклада. Квинт должен был их принести, но... как видите, его нет. — Я стискиваю зубы. Так хочется крикнуть, что это несправед-

ливо. Все пришли парами! Но мой напарник слишком занят.

— Ладно, — продолжаю я, драматично взмахнув указкой. — В любом случае, начнем.

Потоптавшись перед презентационной доской, я медленно выдыхаю.

Просто начни.

Лучезарно улыбнувшись, я приступаю к докладу.

— Что мы узнали о морской биологии, благодаря мудрому наставничеству мистера Чавеса, — я выдерживаю паузу, с энтузиазмом указывая на нашего учителя, и тот кивает в ответ, хотя не слишком эмоционально, — так это то, как нам повезло, что здесь, в Фортуна-Бич, можно наблюдать удивительную жизнь моря. Наши пляжи и прибрежные воды служат домом для многих замечательных видов живых существ. Рыбы и млекопитающие, морские черепахи и акулы...

— Акулы — это *рыбы*, — перебивает Майя.

Я напрягаюсь и бросаю на нее свирепый взгляд. Ничто так не выбивает из колеи во время доклада, как неуместные комментарии.

Такие выскочки — главные враги.

Я снова улыбаюсь. Меня так и подмывает начать с начала, но я заставляю себя продолжить как ни в чем не бывало. *Рыбы и млекопитающие, морские черепахи и акулы...*

— ...богатые экосистемы планктона и растительной жизни, обнаруженные в Ориндж-Бэй. Эти ресурсы — настоящий дар, и наша обязанность не только восхищаться ими, но и защищать их. Вот почему в нашем итоговом проекте мы с Квинтом решили сосредоточить внимание на... — я делаю паузу для усиления драматического эффекта, — сохранении морской среды с помощью экотуризма!

Размашистым жестом я срываю голубую ткань, демонстрируя сделанный вручную макет Мейн-стрит, самой оживленной туристической зоны Фортуна-Бич, которая тянется параллельно пляжу и набережной.

Я не могу удержаться и оглядываю аудиторию, чтобы оценить реакцию одноклассников. Несколько человек из передних рядов вытягивают шеи, чтобы поглазеть на макет, но остальные тупо пялятся в залитые солнцем окна или пытаются незаметно переписываться, пряча телефоны под столами.

Впрочем, мистер Чавес выглядит заинтригованным, изучая макет. И Джуд поднимает глаза, зная не понаслышке, как долго и неустанно я трудилась над этой презентацией. Он ловит мой взгляд и едва заметно, но ободряюще приподнимает большие пальцы.

Я обхожу столик и склоняюсь над диорамой, чтобы показать самые примечательные объекты. Адреналин уже бушует в крови, и я больше не чувствую себя заложницей паники. Теперь я полна сил и энергии.

— Нашим новым туристическим центром станет спа-отель «Ориндж-Бэй резорт», ориентированный на привилегированную клиентуру. На гостей, которые ценят роскошь, жаждут приключений, но, черт возьми, — я дерзко щелкаю пальцами, — при этом заботятся и о защите окружающей среды. — Я постукиваю указкой по многоэтажному зданию. — Благодаря использованию переработанных стройматериалов и применению водонепроницаемых технологий, этот курорт будет у всех на устах. Но наши гости приедут сюда не только для того, чтобы отсыпаться. Они будут изучать флору и фауну. Вот почему Фортуна-Бич нуждается в новых станциях проката электрических велосипедов по обоим концам набережной, — я касаюсь указкой миниатюрных велосипедных стоек, — и аренды электролодок на частном причале курорта. Но что действительно привлечет клиентов, что выделит Фортуна-Бич как самое заманчивое направление эко-путешествий...

Бум!

Дверь класса распаивается, звучно ударяясь о стену. Я вздрагиваю.

— Прошу прощения, мистер Ч.! — раздается голос, от которого волосы у меня на загривке встают дыбом.

Но удивление стремительно сменяется едва сдерживаемой яростью.

Сжимая указку до боли в костяшках, я перевожу взгляд на Квинта Эриксона. Он вразвалочку проходит между рядами, по пути хлопая ладонью по ладони Эзры. Это их обычное ежедневное приветствие.

Я бы предпочла, чтобы он прежде остановился у доски и «дал пять» *мне*. А я бы от души врезала ему указкой.

Я стискиваю зубы, хмуро глядя ему в спину, когда он подходит к нашему столу в заднем ряду и бросает на него рюкзак. Застежка-молния взвизгивает, как реактивный двигатель. Он насвистывает — *насвистывает!* — копаясь в куче бумаг, книг, ручек и всякого хлама, накопившегося за девять месяцев учебного года.

Я жду. Кто-то покашливает. Краем глаза я вижу, как Джуд ерзает на стуле, чувствуя себя неловко из-за меня. Но я вовсе не испытываю неловкости. В любой другой ситуации такая грандиозная помеха выбила бы меня из колеи, превратила в растерянную курицу, но сейчас я слишком поглощена тем, что, сжимая указку, представляю, что это шея Квинта. Я могла бы простоять так весь день, как бы нелепо это ни выглядело, ожидая, пока до Квинта наконец дойдет, насколько сбило меня его вторжение.

Но, к моему бесконечному разочарованию, Квинт, кажется, пребывает в блаженном неведении. Ему плевать на мою злость. На то, что он перебил меня посреди *нашего* доклада. Его не волнует неловкая тишина в классе. Вряд ли он вообще знает, что такое *неловкость*.

— Ага! — торжествующе восклицает он, вытаскивая из рюкзака кислотно-зеленую папку. Даже издали я вижу, что один уголок уже замаялся. Квинт открывает папку и медленно достает копии доклада. Не могу сказать, сколько там страниц. Три или четыре. Скорее всего, отпечатанные с обеих сторон, потому что кто станет тратить бумагу на доклад об охране окружающей среды?

Хорошо, что распечатал, пусть даже с двух сторон.

Квинт раздает копии доклада — скрепленные страницы для одноклассников и вшитые в папку с тремя кольцами для мистера Чавеса. Он не прибегает к наиболее эффективному способу раздачи по принципу «возьми один и передай дальше», как это сделала бы я. Но что с него взять? Возможно, он самый никчемный человек на планете. Проходя по рядам, он раздает копии по одной. Ухмыляясь. Получая в ответ улыбки. Он мог бы стать политиком, завоевывая массы этой небрежной походкой, этой непринужденной улыбкой. Кто-то из девочек хлопает ресницами, принимая из его рук страницы доклада, и кокетливо бормочет:

— *Спасибо, Квинт.*

Костяшки моих пальцев, стискивающих указку, уже побелели. Я представляю, как Квинт спотыкается о ножку стола или, поскользнувшись на разлитых лабораторных химикатах, подворачивает лодыжку. Или нет — еще лучше, — собираясь в спешке, он схватил не ту папку и только что раздал тридцать две копии страстного любовного послания, которое написал нашей директрисе, миссис Дженкинс. Даже *он* не смог бы сохранить лицо, случись такой конфуз, верно?

Ничего такого, конечно, не происходит. Моим мечтам о вселенской справедливости не суждено сбыться. Зато к тому времени, как Квинт добирается до первых рядов и, наконец, снисходит до того, чтобы взглянуть на меня, нервы немного успокаиваются. Перемена в нем мгновенна — он занимает оборону: подбородок вздергивается, взгляд темнеет, словно перед битвой. Полагаю, он готовился к этому моменту с тех пор, как вошел в класс. Неудивительно, что он не спешил раздавать бумаги.

Я пытаюсь улыбнуться, но получается похоже на оскал.

— Очень рада, что ты смог к нам присоединиться.

Он сжимает зубы.

— Как я мог пропустить такое, напарник. — Он смотрит на макет, и на мгновение на его лице появляется намек на удивление. Похоже, он даже впечатлен.

Так и должно быть. Впечатлен и в то же время стыдится того, что видит макет впервые.

— Классно сделано, — бормочет он, занимая свое место на противоположной стороне миниатюрной Мейн-стрит. — Я вижу, ты забыла о реабилитационном центре, который я предложил, но...

— Будь у меня больше помощников, возможно, я бы удовлетворила их необоснованные притязания.

Он тихо стонет.

— Забота о животных, травмированных в результате туризма и потребительского отношения, не является...

Мистер Чавес громко кашляет в кулак, прерывая перебранку, и обводит нас усталым взглядом.

— Всего два дня, ребята. Вам придется потерпеть общество друг друга буквально пару дней. Мы можем закончить доклад без кровопролития?

— Конечно, мистер Чавес, — говорю я одновременно с Квинтом, который отвечает:

— Извините, мистер Ч.

Я бросаю на него взгляд.

— Мне продолжать, или хочешь что-то добавить?

Квинт отвешивает мне поклон.

— Сцена в твоём распоряжении, — говорит он и добавляет еле слышно:

— Не то чтобы ты собиралась с кем-то ее делить.

Несколько ребят в первом ряду слышат его и хихикают. О да, он тот еще хохмач. В следующий раз попробуйте *вы* поработать с ним и тогда поймете, как это забавно.

Я снова пытаюсь улыбнуться.

Но, когда поворачиваюсь к презентационной доске, в голове совершенно пусто.

На чем я остановилась?

О, нет. *Только не это.*

МГНОВЕННАЯ КАРМА

Вот оно. Мой худший кошмар. Я знала, что когда-нибудь это случится. Знала, что все забуду.

И я уверена, что во всем виноват Квинт.

Паника захлестывает меня, и свободной рукой я начинаю лихорадочно перебирать карточки. *Курорт и спа... прокат электрических велосипедов...* Пара карточек выскальзывает и летит на пол. Лицо раскаляется, как конфорка на плите.

Квинт наклоняется и поднимает упавшие карточки. Я выхватываю их у него, сердце бешено колотится. Я чувствую, как весь класс сверлит меня глазами.

Я ненавижу Квинта. Его полное пренебрежение ко всем, кроме самого себя. Его упорное нежелание являться вовремя. Его неспособность сделать хоть что-нибудь полезное.

— Я тоже могу кое-что рассказать, — говорит Квинт.

— Я уже это делаю! — огрызаюсь я.

— Ладно, хорошо. — Он поднимает руки в защитном жесте. — Просто уточнил. Это ведь и моя презентация, знаешь ли.

Действительно. Он же *так много* работал над ее подготовкой.

— Что же все-таки сделает Фортуна-Бич уникальным местом? — шепчет Джуд. Я замираю и смотрю на него с благодарностью, сравнимой со злостью на Квинта. Джуд снова сигналит мне поднятыми вверх большими пальцами, и, возможно, сегодня телепатия близнецов работает, потому что я уверена, что слышу его ободряющие слова:

— *Ты справишься, Прю. Просто расслабься.*

Тревога отпускает. В миллионный раз я спрашиваю себя, зачем мистеру Чавесу понадобилось мучить нас вынужденным партнерством, если мы с Джудом могли бы составить потрясающую команду. Десятый класс мог бы стать приятным времяпрепровождением, если бы не морская биология и Квинт Эриксон.

ДВА

— *Спасибо*, — одними губами отвечаю я Джуду, откладывая карточки. Все, чего мне не хватало, — простого напоминания. И теперь, казалось бы, забытые слова возвращаются. Я продолжаю рассказывать, изо всех сил стараясь не обращать внимания на присутствие Квинта. Многие уже уткнулись в бумаги, которые он раздал, так что не *все* глазят на нас.

— Как я уже говорила, что действительно привлечет совершенно новое поколение эко-сознательных туристов, так это предлагаемая нами уникальная программа мероприятий и приключений. Наши гости смогут погрузиться на дно океана на борту частной субмарины. Принять участие в организованных турах на каяках на остров Аделаи, где каждый сможет пометить, отследить своего собственного тюленя и даже дать ему имя. И, что мне особенно нравится, мы будем каждую неделю устраивать зажигательные пляжные вечеринки.

Последняя реплика пробуждает некоторый интерес в остекленевших глазах одноклассников. Эзра даже ухает как филин. Он, *конечно*, не останется в стороне.

Приободрившись, я продолжаю:

— Совершенно верно. Фортуна-Бич скоро прославится регулярными пляжными вечеринками, где можно насладиться экологически чистыми морепродуктами, исключительно органическими закусками и общением с эко-сознательными единомышленниками. И — самое главное! — каждый участник вечеринки сразу получит

мешок для мусора и граббер-захват для уборки, а в конце праздника, наполнив этот мешок мусором, собранным на наших пляжах, сможет обменять его на многоразовую холщовую сумку с самостоятельно выбранными подарками. Такими, как...

Я откладываю указку и тянусь к своей сумке, оставленной на полу.

— Алюминиевая бутылка для воды, не содержащая бисфенол А!¹

Я достаю бутылку и бросаю ее в класс. Джозеф, удивленный не меньше, чем остальные, едва успевает поймать ее.

— Бамбуковая посуда, которую можно брать с собой в любую поездку! Дневник из переработанных материалов! Твердый шампунь в упаковке без пластика!

Я, как фокусник, достаю из сумки подарки и кидаю их одноклассникам. Теперь они точно проснулись.

Подарки закончились, и я, скатав сумку в комок, запускаю ее в сторону мистера Чавеса. Но Эзра перехватывает ее на лету. Все обращают внимание на то, что на каждом из подарков есть придуманные мною логотип и слоган:

ФОРТУНА-БИЧ: ЗДЕСЬ ПРИРОДА ДРУЖЕЛЮБНА К ТЕМ, КТО ДРУЖИТ С ПРИРОДОЙ!

— Эти и многие другие идеи подробно изложены в нашем докладе. — Я указываю на одну из копий на ближайшем лабораторном столе. — По крайней мере, я на это надеюсь. Просто я не видела полного текста доклада, и что-то мне подсказывает, что он был закончен минут за десять до начала урока.

Я мило улыбаюсь Квинту.

Он выглядит напряженным. С оттенком злости, но не без самодовольства.

— Думаю, ты никогда этого не узнаешь.

¹ Химическое вещество в виде белых гранул, широко применяемое в качестве недорогого отвердителя пластмасс.